

Проснувшись, Янь Цин обнаружил себя в невероятно теплой постели. Рядом находился источник тепла, который было удивительно уютно обнимать.

Стоп. Что это я обнимаю?

Затуманенный сонным маревом разум Янь Цина медленно прояснялся. Он разомкнул веки и первое, что увидел – белую, подтянутую мужскую грудь.

Мамочки!

Предметом его объятий оказался Чу Сюньчжоу.

Янь Цин отпрянул как ошпаренный, вскинувшись от испуга.

От этого толчка Чу Сюньчжоу тоже проснулся, но лишь наполовину. На чистых инстинктах он снова притянул его к себе, зарываясь лицом в изгиб его шеи:

— Ну же, поспи еще немного...

Янь Цин оказался в крепком кольце рук. Кожа к коже, в нос ударил тонкий аромат амбры. Разозлившись на себя, он снова попытался оттолкнуть его:

— А ну пусти!

На этот раз Чу Сюньчжоу окончательно пришел в себя. Боясь по-настоящему разозлить юношу, он послушно разжал руки.

Янь Цин, вцепившись в одеяло, забился в дальний угол кровати. Его глаза гневно округлились:

— Я же ясно сказал перед сном: не пересекать черту! Кто тебе позволил спать в обнимку со мной?

Чу Сюньчжоу посмотрел на него с самым невинным видом:

— Великий наставник, я и не пересекал её.

Янь Цин повысил голос:

— Если не ты, то что же, по-твоему, это я её пересек?!

Чу Сюньчжоу промолчал, лишь тихо глядя на него. Его тело было сиротливо свернуто на самом краю.

Янь Цин окинул взглядом кровать и с ужасом осознал: мужчина действительно зажат у самого бортика, еще пара сантиметров – и свалится на пол.

В голове наступило короткое замыкание.

Словно окаменев, он медленно повернул голову. Большая часть кровати пустовала, а сам он вплотную прижимался к свернутому одеялу, которое вчера служило границей.

Так это правда... он сам перебрался на чужую половину?!

Чу Сюньчжоу негромко произнес:

— Ничего страшного. Считай, что это я виноват. Не сердись, Великий наставник, это моя вина.

Янь Цин всё еще пребывал в состоянии глубокого самокопания. Неужели он спит настолько беспокойно, что перелез через валик из одеяла прямо в чужие объятия?

— Великий наставник? — Осторожно позвал Чу Сюньчжоу.

— Замолчи! Не шуми! — Янь Цину было не по себе.

Чу Сюньчжоу опустил ресницы, голос его звучал приглушенно:

— Вы мне не верите?

Янь Цин: «Нет, я просто не верю самому себе».

В полном смятении он откатился обратно на свою сторону. Постель там уже остыла, и от прикосновения к холодной ткани он невольно вздрогнул.

Чу Сюньчжоу нахмурился. Он одним движением убрал «границу» и вместе с одеялом притянул юношу к себе.

— Вы еще не до конца поправились. Что, если снова простудитесь?

Янь Цин не ответил. Он лежал спиной к нему, отказываясь поворачиваться и молча дуясь.

Чу Сюньчжоу едва слышно вздохнул:

— Великий наставник пролежал в постели два дня. Сегодня отличная погода, не хотите прогуляться?

Это заставило Янь Цина отреагировать. Он медленно обернулся:

— За пределы поместья?

Взгляд Чу Сюньчжоу невольно потемнел, но он подтвердил:

— Куда пожелаете. Я составлю вам компанию.

Янь Цин выдал ошеломляющее:

— Мне не нужна компания. Я хочу пойти один.

— Исключено, — отрезал Чу Сюньчжоу, даже не раздумывая.

Заметив недовольство на лице Янь Цина, он добавил мягче:

— На улицах всякий сброд ошивается. Вдруг вы попадете в беду, а меня не будет рядом?

Янь Цин фыркнул:

— Ты Первый министр-регент, у тебя что, нет дел поважнее? Что ты за мной по пятам ходишь?

— Все это не имеет значения, — вполголоса ответил Чу Сюньчжоу.

Для него ничего не было важнее его Цин-Цина.

В итоге они вышли в город вдвоем. Чу Сюньчжоу приклеился к нему как банный лист, не страхнешь.

— Куда Великий наставник желает отправиться?

Янь Цин на мгновение задумался, и тут его глаза загорелись:

— В Павильон Весеннего Ветра. Хочу туда.

Улыбка на лице Чу Сюньчжоу застыла. Он посмотрел на воодушевленного юношу и спросил свинцовым голосом:

— И что же Великий наставник забыл в Павильоне Весеннего Ветра?

Янь Цин ляпнул не подумав:

— Что за глупые вопросы? Зачем еще туда ходят – конечно, к девочкам.

Атмосфера вокруг Чу Сюньчжоу мгновенно заледенела:

— К девочкам?

Только тут до Янь Цина дошло, что он сморозил. Он поспешно поправился:

— Я слышал, тамошние девицы искусны в искусствах. Разумеется, я иду полюбоваться на их таланты.

Гнев Чу Сюньчжоу немного утих, но он всё же возразил:

— Боюсь, Великого наставника ждет разочарование. Павильон Весеннего Ветра не открывается при свете дня.

— Не верю! — Фыркнул Янь Цин. — Неужели у тебя, великого регента, не хватит веса, чтобы заставить их открыть двери?

Чу Сюньчжоу продолжал качать головой:

— Не откроют.

«Еще чего не хватало. К завтрашнему дню по всем закоулкам поползут слухи, что регент таскает свою жену по борделям. Я тогда и лицо, и достоинство потеряю».

Янь Цин решил не спорить и просто закрыл глаза, притворившись спящим.

— Великий наставник не хочет посмотреть пьесу? — Снова заговорил Чу Сюньчжоу. — Говорят, сегодня в Грушевом саду дают новую постановку.

Это заинтересовало Янь Цина. Он приоткрыл один глаз:

— Что за пьеса?

— Вроде бы военная драма, — плавно ответил Чу Сюньчжоу, немного подумав.

Янь Цин взвесил все «за» и «против»:

— Ладно, поехали.

Повозка, мерно погромыхая колесами по каменной мостовой, вскоре остановилась перед Грушевым садом.

Янь Цин первым выскочил наружу. Чу Сюньчжоу следовал по пятам, бдительно оберегая его:

— Осторожнее, Великий наставник, смотрите под ноги.

В ногах у Янь Цина всё еще чувствовалась слабость, но он из упрямства не желал этого показывать:

— Не помогай мне, я сам дойду.

Чу Сюньчжоу не отступал ни на шаг, пока они не поднялись в отдельную ложу на втором этаже.

Управляющий театра еще у входа встретил их сияющей улыбкой и теперь суетился вокруг:

— Что князю угодно будет послушать сегодня? Я мигом распоряжусь!

Чу Сюньчжоу налил чаю Янь Цину и равнодушно бросил взгляд на управляющего:

— Слышал, у вас новая военная пьеса?

Тот закивал, рассыпаясь в лстивых комплиментах:

— Ваше Высочество как в воду глядели! Буквально на днях закончили репетиции, ни разу еще на сцене не показывали!

Чу Сюньчжоу небрежно выложил на стол слиток золота:

— Тогда её и ставьте. Пусть играют на совесть. Если мне понравится – награжу отдельно.

Управляющий, сияя как начищенный таз, схватил золото и испарился:

— Будьте покойны, Ваше Высочество! Велю им выложиться на все сто!

Спустя некоторое время на подмостках появились актеры в полном гриме.

Янь Цин отложил сладости и весь обратился во слух и зрение.

Поскольку пьеса была о воинах, на сцену вышли рослые актеры-акробаты. Они виртуозно крутили копы с красными кистями, и Янь Цин незаметно для себя совершенно увлекся зрелищем.

Чу Сюньчжоу нахмурился. У него возникло нехорошее предчувствие, что зря они сюда пришли.

И предчувствие его не обмануло.

Во второй половине действия двое актеров внезапно сбросили верхние одежды и продолжили поединок с голым торсом.

Глаза Янь Цина заблестели еще ярче. Он буквально прикипел взглядом к рельефным мышцам их пресса, в восторге переговариваясь с Системой:

«Видала? Видала?! Вот это я понимаю – идеальная фигура. Слушай, когда будем менять мир, можешь мне такое же тело наколдовать?»

Лицо Чу Сюньчжоу мгновенно потемнело. Видя, как жадно Янь Цин пожирает глазами полуголых мужиков на сцене, он едва не заскрежетал зубами. Повернувшись к нему, он процедил сквозь зубы:

— Неужели это настолько красиво?

Янь Цин, даже не взглянув на него, закивал:

— Очень.

<http://bllate.org/book/18143/1740379>